

Выпуск уникальных, неповторимых книг — удел влюблённых в свою работу книжников. Невероятными усилиями воли и сознания они убеждают страстных меценатов и подвижников: «завтра — равняется никогда», и на запахах предстоящего чуда сходятся учёные и дизайнеры. Наш разговор — с главой фонда «Возрождение Тобольска» Аркадием Елфимовым, чьи издательские проекты — «**Евангелие Достоевского**» и «**Остров Сахалин Чехова**» — два года подряд удостоиваются высших наград конкурса издательств «Промсвещение через книгу».

— *Аркадий Григорьевич, Сибирь — это не только судьба, это — её награда, как бы странно для сибиряков ни звучало такое определение. Для верхоглядов — ссыльный край, край промышленный, полярный, но для знающих и чувствующих — и Родина, и свобода. И повод смотреть чуть смелее, независимее в глаза всему миру. Так ли это для вас?*

**А.Е.:** Часто сталкиваюсь с таким мнением, что сибиряки — это лучший российский генофонд, и знаете, Сергей, я бы не стал как-то особенно возражать против такого мнения. А, может быть, и согласился бы с ним... Конечно, у сибиряков есть повод высоко держать голову, потому что есть такое понятие — честь и правда сибиряка. У нас всё своё, и уже потому мы не преклоняемся

перед «тлетворным Западом». Разница наших культурных кодов для любого мало-мальски вдумчивого человека очевидна: у нас его образуют честь, правда и порядочность, а у них — выгода. И точно так же, как сибиряки с гордостью называют себя сибиряками, я с гордостью говорю ещё, что я не только сибиряк, но и тоболяк. И Валентин Распутин писал, что каждому сибиряку надо непременно побывать в Тобольске. Это город настолько уникального наследия, что редкий посетитель нашего, уже полностью восстановленного, Кремля не уедет отсюда с впечатлением, действие которого продлится — проверено — всю жизнь. Известный в Москве книжник Борис Куприянов как-то говорил мне: «Самое сильное для меня потрясение в жизни было —

это увидеть храм Покрова на Нерли во время разлива, а второе — это ваш Тобольский кремль на Троицком мысу, парящий над Иртышем. Приезжайте и убедитесь сами, прошу вас. Наши экскурсоводы вам всё покажут и расскажут. Нам действительно есть, чем гордиться. Это — не на пустом месте. А что касается преклонения перед Западом, ещё на заре создания Фонда и альманаха мне предлагали — уж не знаю, ради чего — выпускать альманах ещё и на английском, и ещё на нескольких европейских языках, а я категорически сказал — «нет». Если хотят, пусть учат русский, великий язык, на котором сказано столько о человеке, что иной европейской стране и не снилось.

— *Фонд возрождения Тобольска — уникальное образование. Как вам удаётся выдерживать невообразимо высокую заданную планку работы Фонда и в книгоиздании, и в увековечивании памятных событий края? Насколько велик и обилён круг тех, кто помогает вам постоянно?*

**А.Е.:** Вот уже больше пятнадцати лет мы издаём альманах «Тобольск и вся Сибирь». Название ему дал великий классик русской литературы, наш земляк, иногда называемый «духовным губернатором Сибири», Царствие ему Небесное, Валентин Григорьевич Распутин. Ещё в первом томе альманаха мы опубликовали его вступительную статью, в которой он писал: «...и мы прекрасно осознаём, что Сибирь сегодня далеко не та,

какой она была в Петровскую эпоху при князе Гагарине. Роль её в государстве Российском стократно усилилась, прежняя terra incognita, вдовину неизвестная земля, изучена и обследована, «запряжена» и напряжена. Но изучена и обследована так, что о месторождениях золота и алмазов, нефти и газа мы знаем значительно больше, чем о «месторождениях» великих людей, великих духовных и нравственных подвигов, о старых городах и добрых традициях». В феврале 2021 года Фонду исполнится 27 лет, и все эти годы мы как раз и занимаемся историко-просветительской деятельностью. И знаете, все эти наши победы — сумасшедше дорогие в производстве книги и увековечивании памятных дат в виде монументов, памятников — ничего бы этого не было без попечителей Фонда. Мы же с миру по нитке средства собираем... времена тяжёлые, для книгоиздания в частности, и никто, конечно, в очередь к нам для того, чтобы внести денежки, не стоит. Однако неумяная энергия Попечительского Совета под председательством Юрия Константиновича Шафраника творит настоящие чудеса. Имена и фамилии тех меценатов, тобольских и тюменских предпринимателей, учёных, художников, скульпторов, можно называть и называть. Да, мы порой постоянно в долгах, с которыми, кстати, скрупулёзно, хоть и не сразу, рассчитываемся, но главный наш долг — просветительский — у нас на первом месте. Даже в таком

непростом году, как 2020, мы смогли помочь сибирским библиотекам, российским культурным центрам, литературным и общественным объединениям — как раз смотрю годовой отчёт Фонда — на 17 миллионов 98 тысяч рублей. Передаём наши издания в дар. Если вы думаете, что нас не обвиняли в авантюризме, вы ошибаетесь: обвиняли. И лично меня — многократно. Так и говорили — вы авантюрист, вы склонны рисковать там, где заранее понятно, что потерпите неудачу, и всё-таки на что-то надеясь, берётесь за нечто неисполнимое. Но я всегда отвечал, а больше думал про себя, что если бы я таким не был, то ничего бы в жизни так и не сделал.

*— В 2020 году исполнилось 75 лет великой Победы, вклад в которую сибиряков сегодня признан одним из самых значительных. Какими книжными проектами участвовал Фонд в праздновании этой даты? Были ли какие-то отдельные работы, посвящённые ей?*

**А.Е.:** К этой дате мы сделали 12 томов в серии альманаха «Тобольск и вся Сибирь», посвящённых подвигу наших отцов и дедов, но работу над увековечиванием неизвестных порой страниц новейшей сибирской истории начали гораздо раньше. Первый двухтомник, ещё к 70-летию битвы под Москвой, «Сибиряки в битве за Москву», рассказал — сейчас это уже непреложный факт — о вкладе сибирских дивизий в перелом всего сражения и откате фашистов на сто,

а порой и двести километров от нашей столицы. Не могу не отметить и трёхтомник «Сибиряки в Сталинградской битве», открывающийся своеобразным эпиграфом. Вкратце, в окопах разговаривают двое младших офицерских чинов, и один другому говорит, что тебе, мол, повезло, у тебя из взвода осталось десять человек, а тот ему возражает, что тебе, мол, повезло гораздо больше: у тебя из шести оставшихся в живых — четверо сибиряков... В этих трёх томах и роль сибиряков видна, и на основе архивных документов показано, что самые горячие точки Сталинградской битвы — Мамаев курган и Тракторный завод — результат беспримерного мужества и подвига сибиряков. Такой уж характер, наверное: в трагические моменты быть впереди, на острие атаки... Далее был пятитомник «Освобождение (Сибиряки в освобождении Европы)», в составе которого — двухтомник «Сибиряки в тылу», из которых видно, что все людские, сырьевые и промышленные ресурсы Сибири были вычерпаны, что называется, «до доньшка» и положены на алтарь Победы! Сибиряки — участники тех боёв великой войны — это и потомки переселенцев из Белоруссии и Украины, которые сыграли решающую роль уже в самих сибирских военных формированиях, отправленных на фронта Великой Отечественной. Кстати, разговор о белорусах и украинцах в Сибири, считаем, далеко не окончен: специальное, уже связанное с войной лишь отчасти, издание Фон-

да посвящено роли белорусов в сибирском регионе — это двухтомник «Белорусы в Сибири». Как оказалось, во многих сёлах переселенцев до сих пор сохраняются традиции, которые даже частично утеряны в самой современной Беларуси — говоры, уклады, праздничный календарь, особый узор рушников, богатейшее песенное, устное, ремесленное наследие и многое другое. Два последних наших военных тома посвящены победе Красной армии над Японией, то есть, финальной точке всей Отечественной войны. Напомню, что капитуляция этого милитаристского государства была подписана 3 сентября 1945 года. Надо отметить здесь огромную редакторскую и составительскую работу Юрия Петровича Перминова в подготовке этой военно-исторической серии из 12 томов. Множество положительных откликов, да и престижных наград получил четырехтомник «Северный морской путь». Вообще, наши изыскания и издательские труды привели к созданию довольно обширного историко-культурного наследия Сибири — показана и наука, и культура, и просто человеческие отношения... Иными словами, Фондом создана энциклопедия сибирской жизни за четыре с лишним века, начиная с Ермака, первооткрывателя Камчатки Владимира Атласова (Пушкин называл его «Ермаком Камчатским»), Семёна Дежнева, Ерофея Хабарова и заканчивая уже нашими днями, созданием уникального Тюменского нефтегазового комплекса.

— *Всегда питал слабость к дизайнерским изданиям: в них являет себя беззаветная любовь к книге, и книгопечатание немедленно становится искусством. Как и когда вы пришли к идее о том, что нашу литературную классику и наиболее заметную современность следует выпускать именно так — на самой лучшей бумаге, с применением последних достижений книгопечатания?*

А.Е.: Снова скажу об обвинениях, звучавших в прежние годы: опять Елфимов издал на самой дорогой бумаге. Тогда — в Италии, сейчас в Москве... Я всегда отвечал: милые люди, товарищи дорогие, если вам не нравится то, что и как я делаю, создайте свой фонд и делайте так, как вам нравится: на дешёвой бумаге, куда большим тиражом, объёмом, как угодно! У нас в фонде существует согласованное и проверенное временем мнение о книге и книжной культуре, которое опирается прямо на нашу историю. История же наша гласит: книга на Руси пользовалась величайшим уважением, её хранили как величайшую ценность, берегли, как самое дорогое, от войн, разорений, пожаров, наводнений, её передавали из поколения в поколение, и точно так же было в Советском Союзе, который, напомню, был самой читающей страной в мире. Я считаю, что сегодня книге должно быть возвращено то уважение, которое ей было всегда у нас присуще. Ещё в начальных классах школы я помню, как благоговейно относились

мы, ещё дети, к фундаментальным, красочным, исполненным с любовью книгам «Детгиза». Лучшие художники-оформители страны были задействованы в этих изданиях, лучшие редакторы. Я по образованию и основному жизненному опыту — строитель, но и в юности нередко читал и собирал книги по книжному оформительскому искусству, живо интересовался этой темой. Помнится, Юрий Тынянов считал: в книге не должно быть картинок — пусть-де человек душой потрудится, получит катарсис от русского слова... В СССР делали «великую книгу под великого читателя», но во главу угла, конечно, ставится текст, а уже иллюстрация его дополняет, в отличие от западной, американской культуры делания книги, где сокращённые тексты классиков, много картинок — полистал, картинки посмотрел, да можно уже и не читать. Увлёклись комиксами, хотя придумал их, кажется, наш эмигрант из России. Была и остаётся великая русская литература XIX века. К слову, наш Золотой век считается по многим периодизациям третьим культурным взрывом после античной Греции и европейского Средневековья! А наша великая русская музыкальная культура! Каждые восемь секунд в мире исполняется Пётр Ильич Чайковский! Так и у современных строителей книги: за спиной — мощнейшая плеяда художников книги, которая ума-разума набиралась у тех, кто оформлял книги ещё в царское время. И было,

и есть, от кого набраться и знаний, опыта. Была великая русская культура делания книги!

Книга, какой я её понимаю, должна годиться для любого музея в качестве заметного, как минимум, экспоната, то есть, быть со всех сторон высокохудожественной, подарком читателю. Нас и в самом начале деятельности упрекали в том, что мы применяем очень дорогую бумагу, на форзац неизменно ставим бумагу Верже, самую дорогую в книгопечатании. В своё время итальянец, с которым мы сотрудничали в Вероне, говорил мне: вот, мол, вы книги дарите, а не продаёте, и рано или поздно вы таким образом разоритесь. Давайте я вам предложу не Верже, хотя я понимаю ваше чувство тактильной улады от прикосновения, вида этой бумаги, но есть бумага, похожая на эту, и она будет дешевле... А я ему отвечал — Вальтер, милый и дорогой, у нас, у русских, есть пословица — от сумы да от тюрьмы не зарекайся, может, и разоримся, но применять будем только эту дорогую и красивую бумагу.

— *Книга, если она настоящая, намного переживает не только создателя, но и всех, кто выпустил её в мир. Отправляя послание буквально в будущие века — двадцать второй, двадцать третий (фундаментальность изданий Фонда позволяют надеяться и на куда большее), испытывает ли вы особое чувство — нет, не гордости и не бахвальства, а нечто сродное*

*с мыслью архитектора, строящего великолепный собор?*

**А.Е.:** Известно: гордыня — тяжкий грех, и быть знаменитым, по Пастернаку, некрасиво. Бывает, говорю, что изо всех сил, можно сказать, борюсь со своей гордыней, а вы хвороста в её костёр мне подбрасываете. Конечно, о какой-то особой, а тем более великой роли в книгопечатании я не задумываюсь, но то, что сейчас делает Фонд, может стать для кого-то заразительным примером. А время, знаете ли, рассудит. Просто есть желание делать книги именно так, как получается сегодня, и основная заслуга здесь не издателя Елфимова, а всего нашего творческого коллектива, в первую очередь тех, кто помогает нам финансово. Кстати, раньше на Руси книгу не только писали, а именно «строили». Об этом мне рассказывал заведующий отделом научных рукописей Российской государственной библиотеки Виктор Фёдорович Молчанов, показывая уникальные русские памятники, рукописные шедевры — Евангелие Симеона Гордого, Богдана Хитровó... В автобиографической «Музыке как судьба» Георгий Свиридов говорит примерно так: долгие века лучшие силы русской души были отданы строительству православных храмов. И выше ничего не было, рядом с русскими храмами, их узорочьем, архитектурным изыском и ничего не стоит. Недаром говорят, что на вершине пирамиды культуры, выстроенной человеческой цивилизацией — «Троица» Андрея Рублёва.

Хотелось бы, конечно, чтобы все мы строили книги, как тогда — храмы, иконы, чтобы потом о нас, о нашем времени сказали, что лучшие силы народной души были отданы книгопечатанию.

— *Великолепное издание Михаила Тарковского «Не в своей шкуре», напоминающее средневековый фолиант — возможно, дело в кожаной обложке и строгом дизайне — как долго шла работа над ним? Вообще, насколько интенсивно обычно принимает участие в создании уникальной книги сам автор? Советуетесь ли постоянно вы с ним в том, как оформить книгу, или просто ставите перед фактом?*

**А.Е.:** Вообще у нас в серии «Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь» вышло около тридцати книг с красивыми составными переплётами обложек и классической вёрсткой текстов. Планку задал нам замечательный художник книги Василий Евгеньевич Валериус. Для нас, как и для многих современных русских читателей, Михаил Тарковский является правомочным наследником как великой русской дворянской литературы, так и последовавших за ней «деревенщиками» — Распутиным, Беловым, Астафьевым. Тарковский — просто следующее поколение людей, наследующих традицию великой русской литературы. Помнится, он с сомнением принимал первые подходы к изданию, но в итоге мы получили маленький, но шедевр. Изумительные рисунки Вадима Горбатова

были адаптированы для печати уже Василием Валериусом, автором всей концепции. Может быть, мало кто заметит, что пёс с обложки ласково трогает лапой фамилию Тарковского...

— *Один из ваших и Фонда Возрождения Тобольска самых фундаментальных трудов — Сибирская энциклопедия («Тобольск и вся Сибирь»).* По счастью, у меня был шанс прикоснуться к ней. Сколько томов издано на сегодня? Как будет проходить дальнейшая работа над ней?

**А.Е.:** На сегодня издано 43 книги, а выпусков — потому что там были и пятитомники, и трёхтомники — 31. В планах сегодня несколько уникальных изданий, в частности, «Тюмень — столица деревень». Читатель может заметить, что название звучит с некоторой издёвкой, но чем же гордиться, как не старинным сибирским русским городом, объединившим в себе столько уникальных сельских традиций? Чем он, как и многие другие сибирские города, если вдуматься, прирастал четыреста с лишним лет? Крестьянством. От крестьянства на Руси пошёл и язык, и культура, и ремёсла, и мы хотим в данном издании показать его роль как станового хребта российской государственности. Также собраны материалы для книги по Енисейску для выпуска «Река Лена», идёт работа по сбору материалов для тома «Украинцы в Сибири». Нас, два братских народа, разделили, рассорили, но том будет издан, и может быть, у кого-то из прочитавших

его возникнут сомнения в сегодняшней риторике украинских властей.

— *Кого из авторов-оформителей ваших книжных серий вы можете выделить? Назовите их имена — я не случайно называю их авторами, поскольку считаю их деятельность не просто художественной. Они придают книге подлинное величие. У вас — смотрю книжный раздел сайта и замираю — нет ни одной обложки, которая бы не волновала, не вызывала желание взвесить книгу в руке и пошелестеть ею, оставить массу закладок. В чём секрет?*

**А.Е.:** Секрета нет, а есть люди, высочайшие профессионалы своего дела, художники, высоко ставящие честь и достоинство: Василий Евгеньевич Валериус, Иван Евгеньевич Лукьянов, Елена Геннадиевна Метченко — те самые художники, с которыми мы работаем постоянно. Помяну добрым словом и Александра Фёдоровича Быкова, с которым фонд начинал свою издательскую деятельность — Царствие ему Небесное! Под конец 2020-го года вышла вторая наша совместная книга с Михаилом Тарковским «Три урока». Блестяще справился с её построением художник Иван Лукьянов. Совместно с ним мы выпустили около двух десятков книг, и за одну из них он получил серебряную медаль Российской академии художеств. В книге Иван Евгеньевич предложил использовать чёрно-белые фотографии из семейного архива Тарковских и кадры из

фильмов Андрея Тарковского. Книга получилась замечательной! А на обложке — керосиновая лампа на фоне заиндевевшего окна в таёжной избушке Михаила Тарковского на соболином промысле (фото охотника), у которого символический смысл. Свет и тепло лампы растапливают иней на окне — это и есть намёк на то, что живительный текст растапливает лёд нашей непростой и часто студёной жизни. Читая повести и рассказы Михаила Тарковского из «Трёх уроков», я испытывал некий духовный катарсис, комок у горла, и слезами глаза наполнялись, как в старые, ещё мои студенческие времена, когда я читал прозу Валентина Григорьевича Распутина.

— *Кто из российских учёных вносил и вносит наибольший вклад в работу над вашими изданиями?*

**А.Е.:** Авторы материалов в уже вышедших томах альманаха «Тобольск и вся Сибирь» — около полутора тысяч, и уж точно половина из них — великие умы, не только из России и стран СНГ, но и США, Израиль, Китай. Стоит упомянуть Николая Ивановича Никитина, поистине великого знатока истории Сибири с XV по XIX век. Если же рассказывать о трёхтомнике «Евангелие Достоевского», то учёные с мировыми именами потрудились на славу, потратив на это не один год своей жизни. Вот их имена: Владимир Николаевич Захаров, Борис Николаевич Тихомиров, Виктор Фёдорович Мол-

чанов. Достаточно сказать, что только В. Н. Захаров дважды избирался президентом Международного общества Ф. М. Достоевского, несмотря на оголтелую русофобию в мире. Это ли не признание замечательного русского учёного-достоеведа!

— *«Евангелие Достоевского» — издание во всех смыслах новаторское, сопровождаемое поистине бесценными литературоведческими комментариями. Аналогов ему нет. Насколько я понял из краткого, но дорогого знакомства с книгой, только теперь стало возможно различить ЗАМЫСЕЛ будущих романов, сотрясших основания стремительно «обесхристианивающегося» мира. Евангельские мысли, перевернувшие самого Фёдора Михайловича, видны наглядно в его пометках, и это первый визуальный, а не академический подход к его философии. Как вы угадали, что такая книга станет событием?*

**А.Е.:** Да, и это правда. Припоминая все этапы этого трудного пути, могу с полной ответственностью заявить, что «Евангелия Достоевского» мы бы не получили без наших замечательных учёных-достоеведов Владимира Захарова и Бориса Тихомирова. Но также книга бы не вышла без художника Василия Валериуса и типографии «Новые решения» Александра Снятенко — он вообще ночами не спал, чтобы выполнить всё так, как замыслил художник, придумавший оформление всех этих трёх томов. Но главное, без чего бы не могло



состояться это издание, это оптико-электронная экспертиза страниц книги с пометами Фёдора Михайловича, которая была выполнена сотрудниками Российской государственной библиотеки под руководством Виктора Фёдоровича Молчанова и Евгении Эдуардовны Вишневецкой. Нельзя себе представить этой книги и без наших верстальщиков и компьютерщиков, которые блистательно справились с очень сложной работой, в том числе с подготовкой одного из полутомиков, где вёрстка была «наоборот», как в японских книжках. Большого времени и трудов потребовали работа над переводом электронной версии для печати книг в версию для Интернета, но теперь любой желающий может ознакомиться с нашим изданием на сайте фонда. И должен сказать, что таких желающих немало. Расшифровка помет Ф. М. Достоевского в этой священной книге даёт совсем другой и, скорее всего, более правильный подход к изучению наследия великого русского писателя, религиозного философа и мыслителя. А именно: новый подход заключается в том, что изучать наследие Ф. М. Достоевского надо по этим выявленным пометам в его Евангелии. И отчёркнутые им мысли в этой книге нашли отражение во всех литературных произведениях писателя. Это блестяще доказал в нашем издании Борис Николаевич Тихомиров, составив почти тысячестраничный второй том нашего издания, расшифровав каждую из отчёркиваний каждую из

помёт, указав, где именно использовал их Фёдор Михайлович в своём творчестве. Это, можно сказать, подвиг жизни учёного.

— *Как появилась идея оптико-электронной реконструкции рукописи «Острова Сахалин»? Насколько лично вам дорога эта книга великого Чехова, и почему?*

А.Е.: Обычно, когда меня спрашивают, как вы решили издавать ту или иную книгу, я отвечаю — «Его Величество Случай». Помните, как у Пушкина? «Случай — мгновенное и мощное орудие Провидения Господня». Но в данном конкретном случае я не выбирал этот проект. Он пришёл сам собой, последовательно. Сотрудники РГБ потратили 10 лет на изучение черновика рукописи и с Виктором Фёдоровичем Молчановым решили продолжить наш опыт сотрудничества сразу после выхода «Евангелия Ф. М. Достоевского».

«Остров Сахалин» я читал ещё в юности и впечатление от чтения пронёс через всю жизнь.

— *Традиционный вопрос: планы. Год предстоит сложный, как и предыдущий, но плановые работы Фонда приостановить не удастся. Очередные издания, уже отправленные в типографию — каковы они? И те, что только ждут глубокого осмысления и оформления — чего читатель может ждать от вас в 2021-м и 2022-м годах?*

А.Е.: Все наиболее значимые наши проекты — и труды Семёна Ульяно-

вича Ремизова, и «Евангелие Достоевского», и «Остров Сахалин» — я расцениваю как дар судьбы. Будут ли ещё такие подарки издателю, трудно сказать! Хотелось бы, и мы, возможно, возьмёмся за наследие Фёдора Ивановича Тютчева, до конца так и не раскрытого, не разгаданного... И конечно же, 2021 год — 200-летия со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, в связи с чем мы работаем над проектом «Письма Достоевского из Сибири». Может быть, особенно громких изданий в будущем году нам и не предстоит... в конце концов, и так понятно, что год будет крайне сложным для нас в финансовом плане. Рост цен, в том числе на полиграфические услуги, будет дик-

товать свои условия, и надо признать, что это будет крайне болезненная ситуация, однако останавливаться мы не будем. Планы свои будем реализовывать. С Владимиром Ильичом Большаковым мы продолжим работу над новым замечательным альбомом о В. И. Сурикове в серии «Сибирский художественный музей». Пожелайте нам удачи в работе над этим необычным проектом. А в 2022-й год мы пока не заглядываем.

*Беседовал Сергей Арутюнов*

От редакции: посмотреть все упомянутые (и не только) уникальные издания можно на официальном сайте фонда  
<http://www.tobolsk.org>